

АМЕРИКАНСКАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОЧЕГО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЙ США

В. В. Согрин

В пестром калейдоскопе современных течений и школ американской буржуазной историографии в последние два десятилетия выступило новое направление — так называемая радикальная школа. Зародилась она на гребне и в значительной степени в лоне «нового левого» движения 60-х годов, и по этой причине долгое время ее именовали «новой левой» историографией. Однако по мере спада «нового левого» движения и расширения теоретико-методологического диапазона этого критического направления за ним закрепляется название «радикальной историографии». В 70-е годы даже бывшие «стоцентные» «новые левые» историки (например, С. Линд) предпочитали относить себя к радикальной школе, считая термин «новая левая» слишком определенным и слишком привязанным к политической практике молодежного бунта 60-х годов.

Радикальная историография США уже освещалась в работах советских историков — Н. Н. Болховитинова, И. П. Дементьева, Р. Е. Кантора, Б. М. Шпотова¹. Главное их внимание оказалось сосредоточенным на изучении радикальными историками проблем американских буржуазных революций. Это отразило исследовательские направления радикальной историографии США на начальном этапе ее развития. Однако в последующем радикальные историки распространили свои интересы на новые сферы, в частности на историю рабочего движения США. Радикальная историография рабочего движения США выделилась даже в особое направление, для которого характерны собственные объекты и методика исследования, оригинальные концепции и выводы.

Радикальная историография в плане развития критической немарксистской историографии США является преемницей «прогрессивной» школы. Но она же обладает и серьезными отличительными чертами. Во-первых, радикальная историография испы-

¹ Болховитинов Н. Н. Современная американская историография: новые течения и проблемы. — Новая и новейшая история, 1969, № 6, с. 121—125; Кантор Р. Е. «Новые левые» в Американской исторической ассоциации. — Вопр. истории, 1974, № 9, с. 181—191; Шпотов Б. М. «Новые левые» историки о классовой борьбе в период войны США за независимость. — Там же, 1974, № 2, с. 177—185; Дементьев И. П. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени. — Там же, 1976, № 11, с. 81—90.

тала влияние всех методологических «новшеств» 50–70-х годов: междисциплинарного подхода, клиометрии, «новой социальной истории», «новой рабочей истории» и проч. Во-вторых, что не менее, а может быть, и более важно, она испытала воздействие критических направлений буржуазной идеологии послевоенного периода — от экзистенциализма и франкфуртской школы до молодежной леворадикальной «контркультуры» 1960-х. Многие из этих направлений, как известно, выступали под знаменем «открытого марксизма», означающего попытку эклектического соединения Марксова учения с модными буржуазными и мелкобуржуазными философскими и социологическими доктринами.

Прародителями радикальной историографии рабочего и социалистического движения выступили в 50-е — начале 60-х годов, с одной стороны, школа «новой рабочей истории», а с другой — такие неортодоксальные социологи, предтечи, а затем и духовные лидеры «новых левых», как Г. Маркузе и Р. Миллс. Школа «новой рабочей истории», формировавшаяся вокруг журнала «Лейбор хистори», начавшего выходить в 1960 г., с течением времени разделилась на либеральное и радикальное течения².

В начале 70-х годов произошла серьезная, в ряде отношений качественная трансформация «новых левых» историков. Под воздействием распада радикального студенческого движения, составлявшего социальную опору «новых левых» в 60-е годы, с одной стороны, и оживления и успехов движения «рядовых» в американских профсоюзах — с другой, многие ее представители отказались от маркузеанского тезиса об «интеграции» рабочего движения в американское «либерально-корпоративное» общество и обратились к исследованию исторического опыта пролетариата США. Более того, сперва С. Линд, а вслед за ним и некоторые другие идеологические лидеры «новых левых» 60-х годов заявили о ведущей роли рабочего класса в революционном процессе и настаивали на необходимости повернуться лицом к «старым левым»³. Радикальные начала в классовом сознании американского пролетариата становятся во все большей степени объектом исследования и представителей левого направления школы «новой рабочей истории».

Сближение исследовательских интересов и позиций бывшей «новой левой» историографии и академического направления «новой рабочей истории» фактически означало оформление современной радикальной школы в немарксистской историографии

² Авторы содержательного обзора школы «новой рабочей истории» И. М. Савельева и Н. В. Сивачев рассматривают главным образом ее методологические позиции. См.: Савельева И. М., Сивачев Н. В. Новая рабочая история в США. — Рабочий класс и соврем. мир, 1978, № 4, с. 158–164.

³ С критическим пересмотром доктрин «новых левых» выступили уже в начале 70-х годов такие их идеологи, как С. Линд, П. Буль, Дж. О'Брайен. См.: Lynd S. Prospects for the New Left. — Liberation, 1971, Jan., vol. 15, p. 13–28; Buhle P. The Eclipse of the New Left. — Radical America, 1972, vol. 6, N 4, p. 1–6; O'Brien J. Beyond Reminiscence: The New Left in History. — Ibid., p. 11–34.

рабочего и социалистического движений США. При этом если лидеры школы «новой рабочей истории» Г. Гатман, Д. Монтомери, М. Дубовский и их последователи исследуют эволюцию пролетариата в домонополистическую эпоху, то историки, связанные с «новыми левыми» — С. Линд, Дж. Вейнштейн, Дж. Грин, Л. Гудвин, М. Кантор, Дж. Брешер и др., обращаются преимущественно к анализу рабочего и демократического движений эпохи монополистического и государственно-монополистического капитализма.

Конечно, сами тематические различия предполагают очевидные расхождения в выводах и обобщениях: исторический опыт американского пролетариата домонополистической эпохи, когда отсутствовало развитое социалистическое и даже профсоюзное движение, когда буржуазия не обладала реформистским механизмом классового господства, имеет другие качественные характеристики, нежели исторический опыт рабочего и демократического движений в XX в.

Значение радикальной школы, рассмотренное в контексте борьбы течений в американской буржуазной историографии, — в критике и пересмотре основных концепций висконсинской школы. Г. Гатман, Д. Монтомери, М. Дубовский и их единомышленники сосредоточили внимание на неправильном определении и выделении в трудах «висконсинцев» самого объекта исторического исследования. «Висконсинцы», доказывали критики, свели историю американского пролетариата к истории тред-юнионов, объединявших на протяжении большей части своей истории лишь пятую часть американских рабочих. Можно ли доверять их концепциям, спрашивал Г. Гатман, если они исключили из поля зрения подавляющее большинство рабочих?⁵

«Висконсинцы», по мнению критиков, совершили вслед за тем еще одну грубую ошибку: в рамках облюбованных «институтов» рабочего движения — тред-юнионов — они исследовали только позицию и мышление верхушки, обуржуазившегося руководства профсоюзов и обошли вниманием «молчаливое большинство»,

⁴ Висконсинская школа, выпестованная в начале XX столетия Дж. Коммонсом и утвердившая на полвека безраздельное господство в немарксистской историографии американского рабочего движения, обосновывала теорию «исключительности» исторического опыта пролетариата США. Эта «исключительность» виделась «висконсинцам» в отсутствии антагонистических или даже сколько-нибудь острых противоречий между пролетариатом и буржуазией США. Они признавали лишь «рыночный» конфликт труда и капитала, который разрешался в ходе столкновений и переговоров между тред-юнионами и предпринимателями. Развернутую критику висконсинской школы в советской историографии см.: *Аскольдова С. М.* Основное направление в американской буржуазной историографии рабочего движения. — *Вопр. истории*, 1966, № 5; *Мальков В. Л.* Джон Коммонс и висконсинская школа. — В кн.: *История и историки*. М., 1966; *Мухайлов Б. Я.* Проблемы рабочего движения в США в американской буржуазной литературе, 1945—1975 гг. М., 1977.

⁵ *Gutman H. G. Work, Culture and Society in Industrializing America: Essays in American Working-Class and Social History*. N. Y., 1976, p. 9—10.

рядовую массу тред-юнионистов. Осудив анализ профсоюзного движения «сверху вниз», критики противопоставили ему иной способ исследования рабочих организаций — «снизу вверх». Понятия «молчаливое большинство», «рядовые», «сверху вниз» и «снизу вверх» были заимствованы представителями «новой рабочей истории» у «новых левых» исследователей, что свидетельствовало, во-первых, о начавшемся сближении двух критических направлений в немарксистской историографии США и, во-вторых, о наличии идеологических мотивов в позиции школы «новой рабочей истории».

Еще один порок висконсинской школы заключался, на взгляд радикальных историков, в сведении всех противоречий между пролетариатом и буржуазией к одному-единственному трудовому конфликту, а сознания рабочего класса — к рыночному экономическому сознанию. Сами же критики поставили своей целью изучение общественного сознания пролетариата (по их терминологии «рабочей культуры»), отражающего этнический, религиозный, семейный, политический и иной опыт рабочего, не укладывавшийся в рамки чисто производственных отношений пролетариата. Обозначив «висконсинцев» как «институционную» и «экономическую» школу, они противопоставили ей себя как «социальную» школу. М. Дубовский заметил при этом, что «социальные историки» и прежде существовали в США, но все они ограничивались исследованием «культуры высших и средних классов», будто таковой не было и не могло быть у трудовых масс⁶. Изучение же содержания «рабочей культуры», как обозначили избранный объект исследования представители критической школы, расширило возможности выявления и постижения собственных классовых черт в мировоззрении американского пролетариата, выходящих за рамки канонизированного в трудах «висконсинцев» тред-юнионистского сознания. А это создавало важную основу для расшатывания теории «исключительности» исторического опыта американского пролетариата.

Основу для своего исследовательского подхода американские радикальные историки обнаружили в трудах современных английских «социальных историков» Э. Томпсона, Э. Хобсбаума, Дж. Рюдэ, имена которых приобрели в 60—70-е годы широкую известность⁷. Особую популярность завоевала монография Э. Томпсона «Формирование английского рабочего класса», влияние которой на современную американскую историографию даже стали сравнивать с влиянием выводов Ф. Тернера на историческую

⁶ Dubofsky M. *Industrialism and the American Worker, 1865—1920*. N. Y., 1975, p. 6.

⁷ В исследованиях американских радикальных историков чаще всего цитируются следующие работы: Thompson E. P. *The Making of the English Working Class*. L., 1963; Hobsbawm E. *Primitive Rebels and Social Bandits*. Manchester, 1959; Idem. *Laboring Men*. L., 1964; Rude G. *Crowd in the History*. N. Y., 1964.

науку США конца XIX — первой трети XX в. Методология Томпсона, отмечал Д. Броуди, стала для школы «новой рабочей истории» моделью истории «формирования американского рабочего класса»⁸.

Приверженность критической школы истории американского пролетариата методологии английских радикальных социальных историков в значительной степени предопределяла ее достоинства и слабые стороны. Самый крупный методологический недостаток заключался в том, что американские последователи Э. Томпсона по сути восприняли релятивистско-идеалистическую трактовку понятия «класс»: он рассматривался в первую очередь как культурно-психологическая общность, отрывался искусственно от порождавших его производственных отношений, объявлялся, наконец, величиной переменной, обретавшей каждый раз качественные характеристики нового класса по мере смены одного типа классового сознания другим.

Критика висконсинской школы объединила большую группу представителей немарксистской историографии, выступивших как единое целое в период разработки новых методологических принципов⁹. Однако этим историкам стало вскоре тесно в одной группе, между ними возникли весьма острые разногласия.

В 1972 г., когда подводились итоги 10-летнего периода изменений в американской историографии рабочего движения, радикальный историк Дж. Брешер подверг резкой критике взгляды С. Тернстрема, прежде признанного авторитета критической историографии¹⁰. Брешер решительно оспорил откровенно консервативные выводы Тернстрема о высокой социальной мобильности в среде неквалифицированных рабочих, а самое главное — об отсутствии в рабочем движении конца XIX в. «протеста, направленного на переустройство капиталистического общества». Выводы Тернстрема, игнорирующие материалы массовых забастовочных выступлений 1873, 1892 и 1894 гг., радикальную и социалистическую ориентацию ряда крупнейших профсоюзов того периода,

⁸ Brody D. The Old Labor History and the New: In Search of an American Working Class.— Labor History, 1979, Winter, vol. 20, p. 123.

⁹ Zieger R. H. Workers and Scholars: Recent Trends in American Labor Historiography.— Ibid., 1972, Spring, vol. 13, p. 248, 255.

¹⁰ В начале 60-х годов Тернстром, решительно осудив институциональный и элитарный подход висконсинской школы, выступил с исследованием, посвященным «молчаливому большинству» одного из промышленных городов Массачусетса — неквалифицированным и поденным рабочим. Этот труд, выполненный с использованием модного междисциплинарного подхода, количественных методов и содержащий выводы об ограниченных возможностях социальной мобильности в рядах рабочего класса, вызвал восторженные отзывы неортодоксальных историков. См.: *Thernstrom S. Poverty and Progress: Social Mobility in a Nineteenth Century City*. Cambridge (Mass.), 1964. Тернстром, однако, решительно пересмотрел эти выводы в последующей статье, которая по злой иронии была включена в известную антологию «новой левой» историографии, изданную в конце 60-х годов. См.: *Toward a New Past: Dissenting Essays in American History* / Ed. by B. J. Bernstein. N. Y., 1969.

доказывал Брешер, полностью укладываются в русло апологетических концепций школы «консенсуса»¹¹.

Вслед за Брешером концепцию Тернстрема, высказанную в монографии 1973 г.¹², подверг сомнению и М. Дубовский. Как совместить, спрашивал он, выводы Тернстрема о «политическом бессилии и отсутствии классового сознания» у «мобильных» групп рабочих — шахтеров, каменотесов, портовых рабочих, издольщиков с тем обстоятельством, что именно эти категории составляли костяк радикальных тред-юнионов, отличавшихся как раз наиболее высокой степенью классовой солидарности и классового сознания¹³.

Не меньшее внимание, чем Тернстром, среди критиков висконсинской школы 60-х годов привлек и И. Бернштейн, автор шумевших монографий о рабочем движении США 20—30-х годов¹⁴. Однако по мере оформления концептуальных позиций радикальной историографии его авторитет в качестве первооткрывателя метода изучения рабочего движения «снизу вверх» был существенно поколеблен. Наиболее полно недостатки исследований Бернштейна вскрыл Дж. Грин в статье 1972 г. Стаечное движение «рядовых» в 30-е годы, доказывал критик, стало для Бернштейна в конечном итоге образцом поведения «толпы», которая якобы самой логикой событий втягивалась в систему бюрократического тред-юнионизма. Вместо исследования тех сторон и условий формирования психологии «рядовых», которые обусловили боевой дух их выступлений, стачечную борьбу вопреки и в обход воле профсоюзного «истеблишмента», Бернштейн сосредоточился на изучении распространения тред-юнионистского сознания. Обещание показать «историю американского рабочего», заключенное в подзаголовке его монографии, осталось невыполненным. Наконец, Бернштейн отказался раскрыть огромную роль левых политических организаций — коммунистической, социалистической и рабочей партий в руководстве массовым стачечным движением рабочего класса в 30-е годы¹⁵.

Дж. Грин подходил к очень важному выводу (хотя и не формулировал его) о том, что критика висконсинской школы была объективно использована многими буржуазными историками всего лишь для подновления ее концепций. Опыт «критической» историографии, содержащийся в выступлениях таких исследователей, как С. Тренстром, И. Бернштейн, С. Файн, Д. Краббс, Д. Броуди (и еще в гораздо большей степени многих других либеральных историков), свидетельствовал, что интерес к движению и образу мыслей «рядовых», использование метода «снизу

¹¹ Brecher J. Strike! San Francisco, 1972, p. 315.

¹² Thernstrom S. The Other Bostonians: Poverty and Progress in American Metropolis, 1880—1970. Cambridge (Mass.), 1973.

¹³ Dubofsky M. Industrialism and the American Worker, p. 13.

¹⁴ Bernstein I. The Lean Years. Boston, 1960; *Idem*. The Turbulent Years. A History of the American Worker, 1933—1941. Boston, 1970.

¹⁵ Green J. Working Class Militancy in the Depression.—Radical America, 1972, vol. 6, N 6, p. 3—9.

вверх» при изучении рабочего движения сами по себе еще не являются гарантией преодоления теоретических схем «висконсинцев». Новая методология не стала в их трудах противоядием от классового предрассудка буржуазно-либеральной историографии, заключавшегося в убеждении, что в США невозможно развитие культуры и классового сознания, альтернативных буржуазной идеологии, и что пролетариат этой страны был, есть и будет рабом «исключительности» американского капитализма.

Принципиальное отличие радикального течения в немарксистской историографии рабочего движения от буржуазно-либерального заключается в признании противоположности классовых интересов американского пролетариата и капитала и возможности произрастания на этой почве собственного классового сознания и «культуры» рабочего класса. Радикальные историки исходят из того, что формы классовой «культуры» и сознания пролетариата США могут быть своеобразными, не совпадать с европейскими, но что сама эта «классовая культура» и сознание должны обязательно присутствовать в истории и — если исследователи рабочего класса отнесутся добросовестно и непредвзято к своим обязанностям — в историографии рабочего движения. Данное кредо является объединяющим признаком радикальной историографии.

По мнению М. Дубовского, никто среди историков не сделал так много для разработки методики выявления собственной «классовой культуры» американского пролетариата, как профессор нью-йоркского городского университета Г. Гатман¹⁶. Той же оценки придерживаются многие другие американские историки. В 1978 г. Д. Монтгомери выступил со специальной статьей, посвященной вкладу Гатмана в разработку «новой рабочей истории»¹⁷.

В исследованиях Гатмана дан анализ социальной психологии, обыденного сознания, нравов и обычаев рабочего класса, т. е. тех духовных категорий, которые, не будучи тождественны классовому самосознанию пролетариата, составляют в совокупности непосредственную среду его формирования. Это важно подчеркнуть, ибо сам Гатман обозначил исследуемые им явления не только с помощью крайне неопределенного в данном случае понятия «культура», но и прибег к понятию «классовое сознание»¹⁸. Вместе с тем в его трудах вскрываются социально-психологические компоненты сознания пролетариата, выявление и изучение

¹⁶ Dubofsky M. *Industrialism and the American Worker*, p. 6.

¹⁷ Montgomery D. *Gutman's Nineteenth Century America*. — *Labor History*, 1978, Winter, vol. 19, p. 417—429.

¹⁸ Высказывая это критическое замечание в адрес Гатмана, мы ни в коей мере не хотим преуменьшить его заслуг в исследовании процесса вызревания и формирования классового сознания американского пролетариата. При оценке исследований Гатмана необходимо учитывать, что большинство из них посвящено периоду, когда в США еще не было социалистической партии, которой принадлежит важнейшая функция в формировании классового сознания пролетариата.

которых необходимы для объяснения успеха (и степени этого успеха) или, напротив, неудачи процесса внесения социалистической идеологии в рабочее движение.

Самому Гатману удалось показать, что «культура» американского пролетариата XIX в., как она получила выражение в фольклоре, ритуалах, праздниках, бытовой и семейной этике, отношении к труду, религиозном сознании, эстетических вкусах, заключала в себе неприятие или даже протест против тех форм эксплуатации и буржуазного образа жизни и мировосприятия, которые утверждались в процессе капиталистической индустриализации¹⁹.

В американской немарксистской историографии признано оригинальное видение Гатмана, заключавшееся в синтетическом анализе духовного бытия пролетариата США. Он пошел дальше школы «новой социальной истории», с которой связан методологическим родством (последняя ограничивается изучением двух сюжетов «рабочей» истории: социальной и географической мобильности пролетариата и его поведения на политических выборах), и порвал с представлением висконсинской школы об американском рабочем как об «экономическом человеке».

Критикуя висконсинскую концепцию «исключительности» исторического опыта американского рабочего движения, Гатман показал, что оппозиция пролетариата США капиталистической эксплуатации в «дотредунионистский период» выражалась подчас в типично «европейских» формах, например в луддитских выступлениях и «голодных» бунтах, которые, не совпадая по форме с европейскими аналогами, по сути не отличались от них. Американские рабочие протестовали против внедряемой капиталистической индустриализацией рутинной дисциплины и постоянно стремились подчинить производственный процесс своим собственным глубоко гуманным представлениям об этике труда. Их протест выражался как в ностальгии о «человеческих» трудовых отношениях доиндустриального периода, так и во всевозможных забастовках, призванных восстановить прежнее достойное положение личности в производственном процессе.

Особенности «культуры» американского пролетариата домнополистической эпохи детерминировались, по Гатману, процессом постоянного обновления коренного рабочего класса иммиграционными «волнами» из Европы. Если английский индустриальный рабочий класс «воспроизводил» свое сознание и культуру уже во втором поколении, то промышленный пролетариат США должен был на протяжении XIX в. адаптировать доиндустриальные фор-

¹⁹ См. его основные труды: *Gutman H. G. Work, Culture and Society in Industrializing America*; *Idem. The Black Family in Slavery and Freedom, 1750—1925*. N. Y., 1976; *Idem. Slavery and Numbers Game: A Critique of Time on the Cross*. Urbana, 1975; *Idem. The Workers Search for Power: Labor in the Guilded Age*.— In: *The Guilded Age: a Reappraisal*. Syracuse, 1963.

мы иммигрантской рабочей «культуры», что до основания расшатывало классовообразующие компоненты его сознания²⁰.

Гатман, однако, не ограничивался известным тезисом об отрицательном воздействии иммиграционных волн на процесс формирования классового сознания американского пролетариата. Его исследовательская задача несколько иная: показать, что континентальный индустриальный форм в «культуре» пролетариата США XIX в. только деформировал, но не «размывал» оппозицию американскому капиталистическому миропорядку со стороны рабочего класса. Привлекая для анализа этих форм массу нетрадиционных источников (письма, фольклор, свидетельства, характеризующие быт, досуг, умонастроения иммигрантских общин), Гатман раскрыл критическое отношение европейских переселенцев к незнакомой общественной системе. Эти источники свидетельствуют, что иммигрантские семьи упорно из поколения в поколение держались за обычаи, нравы, религиозные праздники, обряды оставленной родины, не желая подчиняться размеренному до мелочей, обезличенному образу жизни рабочего человека в индустриальной Америке, как разочаровывались в ее добродетелях и расставались с иллюзиями и надеждами на устройство своего счастья в Новом Свете.

В целом Гатман создал достаточно впечатляющую картину «невидимой» (а точнее, не замеченной прежде и не исследованной в силу этого историками) оппозиции различных категорий рабочего класса промышленному капитализму США XIX в. (сделано это на основе трудоемкого процесса выявления и анализа новых видов источников). Вместе с тем Гатману должны быть предъявлены серьезные претензии с точки зрения анализа им понятий «рабочий класс» и «рабочая культура». Они характеризуются в трудах американского историка преимущественно в социально-психологическом и социально-антропологическом планах. Рабочий класс в работах Гатмана исследовался по «месту жительства», а не в процессе производственных связей и отношений; он анализировал по преимуществу отдельные, локальные этнические общности рабочего класса, а следовательно, его субкультуру, но не классовое сознание, что лишало исследователя возможности сформулировать обобщающую характеристику американского пролетариата как класса²¹.

Очевидны и другие упущения гатмановской схемы классовой «культуры» пролетариата США домонополистической эпохи: например, замалчивался такой важный компонент, как политическое сознание рабочего класса (а его анализ имеет первостепенное значение в связи с образованием в один из исследуемых Гатманом периодов — 1820—1830-е годы — первых рабочих пар-

²⁰ Gutman H. G. *Work, Culture and Society in Industrializing America*, p. 14—16.

²¹ Некоторые из этих недостатков отмечены и авторитетным американским исследователем Д. Броуди. См.: Brody D. *The Old Labor History and the New*, p. 125.

тий, сыгравших определенную роль в истории «джексоновской демократии») ²².

Проблема выявления и анализа классового сознания и классовой «культуры» американского пролетариата занимает центральное место и в работах тех представителей радикальной школы, которые исследуют рабочее движение последующей эпохи — смены «свободного» капитализма монополистическим. Эта эпоха, охватившая в США период последней трети XIX — начала XX вв., одна из самых благодатных в американской истории для исследования процесса высвобождения американского пролетариата из-под влияния буржуазной идеологии и выработки у него классового самосознания. Завершение предшествующей ей эпохи американских буржуазных революций ознаменовалось утверждением безраздельного политического господства промышленной буржуазии, оформлением классовых границ пролетариата, резким обострением и выдвиганием на авансцену классовой борьбы противоречия между трудом и капиталом, который в предшествующий период в известном смысле находился в «тени» конфликта между сторонниками и противниками рабства. Сразу после завершения гражданской войны начинается оформление национальных профсоюзных объединений, затем возникают политические партии пролетариата: социалистическая рабочая, социал-демократическая, социалистическая. С конца XIX в. рабочие вовлекаются в анти-монополистическое движение: белламистское, популистское, прогрессистское.

Эпоха смены «свободного» капитализма монополистическим должна была, казалось, стать камнем преткновения для висконсинской школы. Однако ее представители нашли «выход» из затруднения: объявили социалистов, радикалов и даже реформистов, выходящих за рамки тред-юнионистской доктрины, «чужаками» в рабочем движении и объясняли неудачи одних профсоюзов приверженностью «чужеродным» социальным идеалам, а успех других — отказом от «надуманных» проектов и программ. Именно такая схема лежит в основе монографии Дж. Гроба и Н. Уора, двух наиболее известных «висконсинцев», исследовавших идеологические «вторжения» в американское рабочее движение последней трети XIX в. ²³

Критику Гроба и Уора с позиций радикальной школы одним

²² В изучении культуры рабочего класса США у Гатмана существует целая группа исследователей. См., например: *Silvia P. T., Jr. The Springle City: Labor, Politics and Religion in Fall River, Massachusetts, 1870—1905: Unpubl. Ph. D. Diss., 1973; Dublin T. Woman, Work, and Protest in the Early Lowell Mills.— Labor History, 1975, Winter, vol. 16; Dawley A. Class and Community: The Industrial Revolution in Lynn. Cambridge; London, 1976; Fink L. Workingmen's Democracy: The Knights of Labor in Local Politics, 1886—1896: Unpubl. Ph. D. Diss., 1977; Culic G. Pawtucket Village and the Strike of 1824.— Radical History Review, 1978, Spring, vol. 19.*

²³ *Grob G. Workers and Utopia: A Study of Ideological Conflict in the American Labor Movement, 1865—1900. Evanston, 1961; Ware N. Y. The Labor Movement in the United States, 1860—1895. N. Y., 1929.*

из первых дал Д. Монтгомери²⁴, исследовавший начальный (1862—1872 гг.) период «выхода» американского рабочего движения из «младенческого» состояния. Монография Монтгомери «Дальше равенства: рабочие и радикальные республиканцы, 1862—1872»²⁵ являет, можно сказать, образец радикальной историографии. Хотя историк держит в поле зрения рабочее движение в целом, непосредственный объект его исследования — процесс вызревания классового сознания пролетариата, постепенно порывающего с мелкобуржуазным идейным наследием эпохи «джексоновской демократии» и остерегающегося плена чисто тред-юнионистских доктрин.

Монтгомери тщательно проследил, как американские рабочие, объединенные с партией Линкольна, и особенно с ее левым крылом, в годы гражданской войны общей целью уничтожения рабства и утверждения равенства всех людей перед законом, постепенно осознают отличие своих классовых интересов от устремлений буржуазных радикалов. Рабочие объединения, конституировавшиеся по ее завершению, развили, как писал Монтгомери, идею наполнения принципа юридического равенства социальным и экономическим смыслом. Историк выделил четыре вида таких организаций: реформистские ассоциации, тред-юнионы, секции Международного Товарищества Рабочих (в них, согласно Монтгомери, бывшие чистые марксистские группы соединились с профсоюзными организациями) и рабочие партии.

В отличие от Н. Уора, полагавшего, что секции I Интернационала и рабочие партии объединяли «рабочих лидеров без организаций, политиков без партий, женщин без мужей, утопистов, мечтателей и агитаторов, не имеющих занятий», Монтгомери показывал, что между четырьмя типами организаций не было принципиальных отличий. Все четыре типа объединений располагали одинаковым социальным составом, возглавлялись в большинстве случаев активными тред-юнионистами. Важной отличительной чертой тред-юнионистов того периода было то, что они чурались чисто экономических целей и присягали широким социально-политическим идеалам. Вот почему все четыре типа организаций были хотя бы частично представлены в Национальном рабочем союзе в годы его расцвета и вот почему сам этот союз, помимо чисто тред-юнионистских целей, одобрил идеи независимых политических действий рабочего класса и создания в конечном итоге независимой рабочей партии. Нет никаких свидетельств того, что на конгрессах союза существовала «дихотомия» между «социальными теоретиками» и практиками, чуждыми утопий (в последнем случае Монтгомери критиковал уже выводы историков-«прогрессистов» Ч. и М. Бирдов)²⁶.

С аналогичных Монтгомери позиций другие представители

²⁴ *Montgomery D. Beyond Equality: Labor and the Radical Republicans, 1862—1872.* N. Y., 1967.

²⁵ *Ibid.*, p. 167.

²⁶ *Ibid.*, p. 134, 176, 186, 196, 259, 446—447.

радикальной школы (К. Лэш, М. Дубовский, Дж. Ласлетт, Дж. Корнблах, Дж. Конлин) пересмотрели исторический опыт профсоюзного движения конца XIX — начала XX в. Так, Дубовский и Лэш решительно возразили против традиционных попыток «висконсинцев» увязать широкие социальные идеалы «Ордена рыцарей труда» с приверженностью руководства этого мощного профсоюзного объединения 1870—1880 гг. мелкобуржуазному утопизму. Они указывали при этом, что со стороны историков не было предпринято ни одной серьезной попытки исследовать чаяния и умонастроения рядовой массы членов «Рыцарей труда», а расхожие историографические обобщения отражали не более как мировоззрение «великого мастера» ордена Т. Паудерли и его ближайшего окружения. В полном соответствии с духом и буквой радикальной школы они доказывали, что любые выводы о характере «Рыцарей труда» могут рассматриваться серьезно только после их корреляции с «массовой культурой» членов ордена²⁷.

Другой радикальный историк, Дж. Ласлетт, обнаружив, что выводы «висконсинцев» о направленности массового рабочего движения конца XIX в. основаны преимущественно на опыте союза типографских рабочих (а затем экстраполированы на другие тред-юнионы), в своем собственном исследовании шести крупных, но разных по характеру профсоюзов (например, горняков, машиностроителей, обувщиков) раскрыл их глубокие связи с популистской и социалистическими партиями²⁸.

Наибольшее внимание радикальные исследователи массового рабочего движения эпохи становления и развития монополистического капитализма уделили революционному профсоюзному объединению начала XX в. «Индустриальным рабочим мира». Тот факт, что опыт ИРМ послужил почвой для настоящего исследовательского бума в американской радикальной историографии²⁹, многозначителен (характеризует преклонение многих радикальных авторов перед революционной стихийностью) и глубоко закономерен. ИРМ традиционно символизирует революционную тенденцию в американском рабочем движении и выступает историческим антиподом АФТ, олицетворяющей консерва-

²⁷ Lasch C. The Agony of the American Left. N. Y., 1969, p. 16; Dubofsky M. Industrialism and the American Worker, p. 87.

²⁸ Laslett J. H. Labor and the Left: a Study of Socialist and Radical Influence in the American Labor Movement, 1881—1924. N. Y., 1970. Критический разбор взглядов Дж. Ласлетта см.: Аскольдова С. М. История рабочего движения США в новое время (1880—1918). — В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии, 1861—1918. М., 1974, с. 135—136.

²⁹ Conlin J. R. Bread and Roses Too: Studies of the Wobblies. Westport (Conn.), 1969; Idem. Big Bill Haywood and the Radical Union Movement. Syracuse, 1969; Dubofsky M. We Shall be All: A History of the Industrial Workers of the World. Chicago, 1969; Preston W. Shall This be All? U. S. Historians versus William D. Haywood et al. — Labor History, 1971, Summer, vol. 12, p. 435—453.

тивные тенденции в психологии и устремлениях пролетариата США.

Несколько гипертрофированный интерес к истории ИРМ со стороны радикальной школы заключает в себе, кроме того, очевидный вызов висконсинской школе: если вы, как бы говорят они «висконсинцам», считаете себя вправе моделировать классовое сознание пролетариата на основе исторического опыта одной АФТ, то мы резервируем за собой право моделировать исторический вариант классового сознания рядовой массы рабочих на основе опыта ИРМ; если вы считаете деятельность ИРМ примером патологического отклонения в истории американского рабочего движения, то мы видим такое отклонение в практике АФТ.

Среди радикальных историков Дубовский дал наиболее полную оценку деятельности ИРМ. Еще в 1954 г. он подверг критике распространенные в буржуазной историографии попытки объяснить радикализм и революционность западных профсоюзов с позиции теории Тернера (географического детерминизма), как идейно-психологический феномен беспокойной американской границы³⁰.

Осудив эту концепцию «классовой войны без классовой идеологии», Дубовский в своих исследованиях рассмотрел деятельность ИРМ не как «географическую» аномалию благонамеренного в целом рабочего движения США, а как отражение определенной общей закономерности классовой борьбы в капиталистических странах эпохи завершения индустриализации и перехода к монополистическому капитализму. Его вывод о том, что «развитие радикального юнионизма и возникновение синдикализма на американском Западе... едва ли можно считать уникальным явлением» и что существует общая причина «вызревания радикального юнионизма для Франции, Италии и Америки»³¹, явился важным вкладом в объективную трактовку соотношения общего и особенного в историческом опыте рабочего движения США.

Исследовав на огромном архивном и опубликованном материале идеологию, стратегию и практику ИРМ, Дубовский пришел к обобщениям, отличавшим его не только от «висконсинцев», но и выделявших среди других радикальных историков: революционные цели и требования реформ в платформе и деятельности ИРМ, доказывал историк, не противоречили и тем более не исключали друг друга, а сочетались вполне органично. Дубовский признавал аполитизм в деятельности ИРМ, но показывал, что он возник из недоверия к политическому оппортунизму Социалистической партии. Исторический вклад ИРМ в американское рабочее движение состоит, по Дубовскому, в развитии концепции революционного овладения пролетариатом средствами производства³².

³⁰ См.: Аскольдова С. М. История рабочего движения США в новое время, с. 129.

³¹ Dubofsky M. The Origins of Western Working Class Radicalism. 1890—1905.— Labor History, 1966, Spring, vol. 7, p. 131—154.

³² Dubofsky M. Industrialism and the American Worker, p. 104—105.

Как ни важны социально-психологические предпосылки формирования классового самосознания пролетариата, его инстинктивный протест против буржуазного образа жизни, «социализм чувства», проявляющийся и в обыденном сознании рабочих, и в стихийном рабочем движении, решающее значение в выработке классового сознания пролетариата имеет процесс «внесения» в стихийное рабочее движение социалистического мировоззрения политической партией пролетариата. Представители радикальной школы, как показывает изучение их работ, знакомы с марксистско-ленинским учением о роли политической партии пролетариата в формировании его классового сознания, но относятся к нему неоднозначно.

Отношение радикальных историков к исторической роли и историческому опыту пролетарских партий отражает широкий спектр идейных течений в леворадикальном движении США двух последних десятилетий. Авторы, близкие к маркузеанским и анархистским позициям, откровенно преклоняются перед стихийностью в рабочем движении. В частности, С. Ароновиц, автор работы «Ложные обещания: формирование классового сознания американского рабочего класса», отвергал идею авангардной роли политической партии, прибегая к трем характерным для авторов левацкого толка аргументам: рабочий класс сам способен «осознать свой опыт и вести себя»; американские «левые» (имеются в виду политические деятели рабочего движения) «никогда не поднимались выше уровня сознания самих рабочих»; «не дело левых воспроизводить авторитарные взаимоотношения в рабочем движении»³³. Близок к Ароновицу в этом вопросе и Брешер. (Отметим, что и Ароновиц и Брешер в соответствии с укоренившейся в последние десятилетия в левацких кругах «модой» и явно нарушая историческую истину ссылаются в подтверждение своих суждений на Р. Люксембург³⁴.)

Преклонение перед стихийностью в рабочем движении свойственно и С. Линду. В одной из работ 1973 г. он без всяких на то оснований попытался подкрепить свою позицию ссылками на Маркса, противопоставляя при этом Маркса Ленину: «Если Маркс полагал, что жизнь сама разовьет радикальное сознание в рабочем движении, то Ленин пришел к заключению, что радикализм должен быть внесен в рабочее движение социалистическими агитаторами». Тут же выдвигался тезис, что американское рабочее движение развивалось «по Марксу»³⁵. Все эти рассуждения Линда не только неверны, но и крайне наивны, способны лишь дискредитировать исследовательское реноме автора, кото-

³³ Aronowitz S. False Promises: The Shaping of American Working Class Consciousness. N. Y., 1973, p. 441.

³⁴ О несостоятельности попыток «новых левых» использовать авторитет Р. Люксембург см.: Бессонов Б. И. Антимарксизм под знаменем «неомарксизма». М., 1978.

³⁵ Lynd S. American Labor Radicalism. Testimonies and Interpretations. N. Y., 1973, p. 2, 3.

рый во многих других вопросах, в том числе и в конкретно-исторических разработках о движении «рядовых», внес позитивный вклад в развитие американской историографии и в критику ее апологетических течений. Тем более что раньше в известной монографии «Интеллектуальные истоки американского радикализма» Линд справедливо писал о неверии Маркса в способность рабочего класса осознать свои классовые интересы «на основе жизненного опыта и представлений»³⁶.

Среди радикальных историков, исходящих из признания роли политической партии пролетариата в формировании классового самосознания рабочих, необходимо в первую очередь назвать М. Кантора, Дж. Грина, Дж. Вейнстейна. Хотя они пришли к признанию этой идеи под непосредственным воздействием марксистско-ленинского учения, никто из них не является марксистом.

Все три историка приобрели известность исследованиями по истории американского социалистического движения начала XX в. — «золотого периода» американского социализма, когда Социалистическая партия во главе с Ю. Дебсом год от года стремительно наращивала свои успехи, а на президентских выборах 1912 г. посеяла настоящий страх среди буржуазии. Для Грина и Вейнстейна исторический опыт Социалистической партии важен как доказательство возможности успешного внесения социалистического мировоззрения в стихийное движение трудовых масс.

Объектом критики в работах Грина, Вейнстейна и Кантора являются концепции буржуазных — консервативных и либеральных — авторов. Они решительно отвергли концепцию Л. Харца, связывавшего возникновение социализма не с антикапиталистической, а с антифеодальной борьбой и не нашедшего ему по этой «причине» места на американской почве. Радикальные историки развенчали концепцию С. М. Липсета, доказывавшего, что пролетариат США не восприимчив к социализму в силу высокой социальной «мобильности» и фактического «слияния» со «средним классом». Не приемлют они и выводы Д. Белла, поставившего крест на всем американском социалистическом движении как на безнадежно «догматическом» и мертворожденном с самого начала.

С профессиональной точки зрения лучшим исследованием в американской радикальной историографии по истории Социалистической партии необходимо, на наш взгляд, признать монографию Дж. Грина «Социализм рядовых: радикальные движения на Юго-Западе, 1895—1943»³⁷, увидевшую свет в 1978 г. Уже само название монографии характеризует Грина как приверженца изучения социальных движений «снизу». Дж. Грин, профессор Бостонского университета, член редколлегии и один из

³⁶ Lynd S. Intellectual Origins of American Radicalism. N. Y., 1968, p. 12.

³⁷ Green J. R. Grass-root Socialism: Radical Movements in South-West, 1895—1943. Baton Rouge (La), 1978.

двух (наряду с С. Линдом) ведущих авторов журнала «Рэдикэл Америка», выступал с исследованиями самых разных периодов истории рабочего движения США. В своей монографии он ставил задачей раскрыть степень внедрения в массы и причины успеха Социалистической партии в начале XX в.³⁸ в юго-западных штатах: Техасе, Канзасе, Арканзасе и Оклахоме. Источниковая база монографии, включающая социалистическую прессу штатов, материалы местных комитетов партии, эпистолярное наследие не только ее руководителей, но и рядовых активистов, выгодно отличает исследование Грина от спекулятивных в своем большинстве работ либеральных и консервативных авторов. В ходе исследования Грин пришел к ряду оригинальных и убедительных конкретно-исторических выводов.

Действие событий в книге Грина разворачивается в штатах, бывших в 1890-е годы эпицентром популистского движения. Социалисты с самого начала выступили в качестве естественного преемника антимонополистической направленности фермерского движения. Причем, как показал Грин, социалисты юго-западных штатов не только восприняли, но и обогатили, насытили более радикальным звучанием антимонополистические идеалы популистов. Если Национальный фермерский альянс, доказывал автор, пытался защитить от эксплуатации со стороны финансовых и железнодорожных корпораций в равной степени все слои фермерства, то социалисты заботились об интересах сельской бедноты. В этом, по его справедливому замечанию, принципиальное отличие социалистов от популистов в подходе к аграрному вопросу.

В своих исследованиях Грин сделал ряд выводов, не встречавшихся прежде в исторической литературе. Одна из особенностей социалистического движения юго-западных штатов состояла, по Грину, в том, что первоначально оно черпало сторонников из числа тех радикальных популистов, которые не пожелали объединиться в 1896 г. с демократической партией. Его вывод о наличии популистских истоков в социалистическом движении юго-западных штатов подтверждается многими примерами и представляется вполне убедительным. Проследившая эволюцию состава социалистов, Грин показал, что постепенно, по мере развития индустриализации и урбанизации в юго-западных штатах, ряды социалистов все более пополнялись за счет рабочего класса. Опыт социалистов юго-западных штатов первых десятилетий XX в., утверждал Грин, убедительно свидетельствовал о возможности объединения мелкого фермерства и промышленного пролетариата в рамках Социалистической партии.

В проведенном Грином анализе программных установок социалистов юго-западных штатов начала XX в. в наибольшей степени ощущается стремление рассмотреть их опыт с учетом се-

³⁸ Главы, относящиеся к 10—30-м годам, не содержат оригинального исследовательского материала и выводов, что признает и сам Грин.

годняшних задач леворадикальных движений США. Несомненно, в частности, связь с этими задачами того вывода Грина, что социалисты начала века не смогли осознать самостоятельного значения негритянского и женского вопросов для стратегии партии и в результате намного сузили социальную базу своего движения. Впрочем, Грин пытался анализировать не только и даже не столько промахи американских социалистов, сколько их удачу в разработке тех или иных вопросов классовой борьбы. Одной из главных заслуг социалистов Юго-Запада, обеспечившей им возможность «внедрения» в фермерские массы, он считал умелую разработку аграрной программы, настаивавшей на обобществлении крупных хозяйств, но в то же время предполагавшей сохранение и оказание помощи мелким фермам.

Значение работы Грина заключается в том, что, основываясь на большом количестве разнообразных источников и используя плодотворный принцип изучения истории «снизу вверх», он сумел показать процесс вовлечения сельского и городского пролетариата юго-западных штатов в социалистическое движение.

В то же время в работе Грина проявляются сложности, связанные с применением исследовательского приема «снизу вверх» при изучении массовых социальных движений. Главная среди них — крайняя узость источников, исходящих от рядовых участников массовых движений. Отметим, что С. Линд предпринял попытку преодоления такой трудности применительно к США 30-х годов путем создания «устной» истории рабочего движения, подготовленной на основе выявления и опроса бывших его участников³⁹. Но чем дальше отстают события от сегодняшнего дня, тем более затруднено создание «устной» истории массовых движений, а применительно к концу XIX — началу XX в. оно уже просто невозможно.

В отличие от Грина Дж. Вейнстейн в 1967 г. исследовал период, который пришелся не на расцвет, а на упадок Социалистической партии — 10–20-е годы. Вейнстейн, один из создателей «нового левого» журнала 60-х годов «Стадиз он зе лефт», не видел объективных причин, которые вызвали падение влияния Социалистической партии после первой мировой войны. Партия существенно изменилась в годы первой мировой войны, доказывал он, но отнюдь не ослабла. Ее географическое ядро переместилось из юго-западных штатов на восток, в большие промышленные города. Фактор, по мнению Вейнстейна, не вполне благоприятный, ибо свидетельствовал о падении в партии процента коренных американцев и возрастании числа иммигрантов. Однако численность партии в 1919 г. составляла 109 тыс. человек — только на несколько тысяч меньше, чем в 1912 г. С учетом начавшегося под воздействием Октябрьской революции 1917 г. подъема радикальных настроений в США партия, полагал Вейн-

³⁹ Rank and File: Personal Histories by Working Class Organizers / Ed. by S. and A. Lynd. Boston, 1973.

стейн, имела все основания смотреть в будущее с оптимизмом⁴⁰. Почему же в таком случае партии сопутствовал крах, а не подъем?

Ответ на этот вопрос заключен, по Вейнштейну, в факторе субъективного порядка — трагическом отсутствии взаимопонимания в левом политическом спектре, включавшем Социалистическую, фермерско-рабочую и рожденные в горниле революционных событий той же эпохи Коммунистическую и Коммунистическую рабочую партии США. Не снимая ответственности за раскол с фермерско-рабочей партии Лафоллета (она, как показывает Вейнштейн, готова была на любую степень антикоммунизма ради оппортунистического заигрывания с АФТ) и социалистов (излишне цеплявшихся за английскую лейбористскую модель), Вейнштейн возлагал главную вину на коммунистов: оказавшись в плену установок Коминтерна, они-де нанесли смертельный удар по леворадикальному политическому единству⁴¹.

Подобная трактовка оказалась в явном противоречии с объективными фактами американского рабочего движения. Вопреки концепции Вейнштейна крушение в конце 10-х — начале 20-х годов потерпел не социализм США, а оппортунистическая линия Социалистической партии, увлекшая за собой и обрекая на политическое фиаско руководство партии. Судьбы социализма могли быть связаны теперь с другими силами, способными к преодолению оппортунизма и социал-шовинизма II Интернационала. Такую способность и обнаружили в тех исторических условиях американские коммунисты, которые в силу самой логики и закономерностей развития классовой борьбы и революционного движения пришли на смену Социалистической партии в руководстве американским рабочим движением. Вейнштейн, увы, не смог внять логике истории и создал версию «краха» социализма, замешанную на субъективизме и изрядной доле антикоммунистических предрассудков⁴².

Концепция «краха» американского социализма Вейнштейна вызвала критику и самих историков США. Например, М. Дубовский указывал, что выводы Вейнштейна не согласуются с историческим опытом других, в первую очередь западноевропейских, капиталистических стран, где также произошло образование компартий, но в отличие от США не наблюдался «крах социализма»⁴³. Раскритиковал концепцию Вейнштейна и профессор Масчусетского университета М. Кантор, бывший в свое время одним из основателей и первым редактором журнала «Лейбор истории». В монографии «Разделенные левые. Американский ра-

⁴⁰ Weinstein J. The Decline of Socialism in America, 1912—1925. N. Y., 1967, p. 324—328.

⁴¹ Ibid., p. 327—328.

⁴² Развернутую критику концепции Вейнштейна см. в рецензиях В. Л. Малькова (Вопр. истории, 1965, № 2, с. 195—196) и Б. Д. Козенко (Там же, 1971, № 3, с. 182—188).

⁴³ Dubofsky M. Industrialism and the America Worker, p. 100.

дикализм, 1900—1975», вышедшей в 1978 г., главную причину нежизнеспособности Социалистической партии Кантор видел в особенностях ее эволюции, в том, что она не смогла верно определить грань, по одну сторону которой лежит сползание к буржуазному реформизму, а по другую — пренебрежение к повседневным интересам трудящихся.

Согласно аргументированному мнению Кантора, эволюция Социалистической партии заключалась во все большем усвоении «социал-демократической методологии, означавшей возвеличивание процесса демократических и реформистских преобразований и недооценку социалистической идеологии и целей». Партия стремилась черпать свою опору в мелкобуржуазной среде, устроив свои ряды в годы подъема, но «ее новобранцами чаще оказывались фермеры-арендаторы юго-западных штатов, бывшие популисты, городские радикалы и интеллектуалы, как марксисты, так и утописты. В то же время руководители партии должны были признать, что они потерпели полную неудачу в попытках вовлечь в ее ряды членов тред-юнионов»⁴⁴.

Таким образом, Кантор доказывал, что, начав свою деятельность в качестве оппозиционной третьей партии, социалисты постепенно превратились в типично американскую прагматическую партию и были интегрированы в американскую политическую структуру. В ряде вопросов — иммиграционном, негритянском — социалисты заняли свойственную всем американским либералам консервативную позицию. Тем самым крах Социалистической партии на рубеже 20-х годов в условиях мощного подъема радикальных настроений во всем мире, в том числе и в США, был обусловлен: партия не смогла выработать революционного социалистического учения, отвечавшего специфике такой высокоразвитой капиталистической страны, как США. К середине 20-х годов, справедливо заключает Кантор, партия окончательно отказалась от положительной оценки Октябрьской революции и превратилась в близнеца лейбористской партии Англии. Ее руководству не доставало не только радикальных убеждений руководителей Коммунистической партии, но также боевого настроения и молодости ее лидеров.

Одна из отличительных черт подхода радикальных исследователей на современном этапе к процессу формирования классового самосознания американского пролетариата заключается в том, что они в меньшей степени, чем раньше, обращаются к теории «упущенных возможностей», объяснявшей те или иные неудачи рабочего движения ошибками социалистов и коммунистов, и уделяют больше внимания объективным трудностям, стоящим на пути освобождения пролетариата из-под влияния буржуазной идеологии и культуры.

Главная среди этих трудностей, согласно радикальным исто-

⁴⁴ Cantor M. The Devided Left. American Radicalism, 1900—1975. N. Y., 1978, p. 25.

рикам, состоит в том, что буржуазия США смогла в XX в. упрочить свое классовое господство при помощи системы «корпоративного либерализма». Концепция «корпоративного либерализма», выдвинутая радикальной историографией, заслуживает специального обстоятельного рассмотрения. Здесь же отметим, что под «корпоративным либерализмом» понимается система государственного-монополистического институтов и мер, преследующих цель смягчить классовые противоречия капитализма и утвердить «классовый мир».

Концепция «корпоративного либерализма» до известной степени — но не более! — является отражением практики государственно-монополистического капитализма. Важно иметь в виду, что между ней и ленинским учением о государственно-монополистическом капитализме имеется существеннейшее различие: марксистско-ленинская теория государственно-монополистического капитализма рассматривает последний как высшую, последнюю ступень обострения противоречий между общественным характером производства и частным способом присвоения при капитализме, как полную подготовку материальных предпосылок социализма; согласно же радикальной историографии, «корпоративный либерализм» вдохнул жизнь в умирающий капитализм, упрочил его исторические перспективы и крайне осложнил осуществление пролетариатом исторической миссии свержения буржуазного общества.

«Корпоративный либерализм», по мнению радикальных историков, — это стратегический маневр буржуазии, заключавшийся в превращении экономических и социальных реформ, изначально выдвинутых социалистическим движением как средства наступления на позиции капитала, в орудие государственного регулирования промышленности и трудовых отношений уже в интересах капитала. Государственные экономические и социальные реформы, при помощи которых, как писал Вейнстейн, социалисты и коммунисты намеревались «загнать в тупик» буржуазию, были обращены последней в средство нейтрализации самих социалистов и коммунистов⁴⁵.

Г. Колко, М. Дубовский, М. Кантор, Дж. Брешер согласны с Вейнстейном в том, что ни одна ведущая сила американского радикализма не осознала изменения стратегического смысла социально-экономического реформаторства, а поддерживала в 10-е годы «новые свободы» В. Вильсона, в 30-е «новый курс» Ф. Д. Рузвельта, что способствовало утверждению «корпоративного либерализма», утрате классовой и политической самостоятельности радикалов, выступивших фактически в качестве левого крыла демократической партии.

Несостоятельность подобной интерпретации новейшей ради-

⁴⁵ Weinstein J. Ambiguous Legacy: The Left in American Politics. N. Y., 1975, p. 1—6.

кальной историографии⁴⁶ очевидна. Это касается не только анализа исторического места государственно-монополистического капитализма, о чем уже было сказано, но и оценки стратегий политических партий рабочего класса, в первую очередь коммунистов. Конечно, ряду деятелей Компартии на разных ее этапах был свойствен правооппортунистический крен, но американские коммунисты, как известно, сумели преодолеть и браудеризм и другие его проявления⁴⁷. Поддержка же Компартией прогрессивных мероприятий «нового курса», которые коммунисты отличали от промонополистических законов правительства Ф. Д. Рузвельта, отвечала историческим требованиям времени, способствовала укреплению позиций демократии и отпору реакции. Наконец, совершенно невозможно согласиться с попыткой радикальных историков подходить с единой меркой к стратегии социалистов, коммунистов и «новых левых».

Критика ошибок радикальных историков не отрицает того факта, что им удалось показать некоторые трудности, стоящие на пути формирования классового самосознания американского пролетариата. Так, они раскрыли систему духовного господства буржуазии над эксплуатируемыми классами. Радикальные историки показали, что наряду с репрессиями буржуазия США использует утонченную форму классового господства, которую вслед за итальянским марксистом А. Грамши они называют «классовой гегемонией»⁴⁸. Радикальные историки показали, что буржуазия вырабатывает и вносит в сознание народа «массовую культуру», означающую поклонение буржуазному образу жизни, воспитывает у них потребительскую психологию личного благосостояния и успеха⁴⁹.

Американские радикальные историки раскрывают исторические условия развития американского капитализма, благоприятствующие упрочению его классового господства и одновременно препятствовавшие формированию классового самосознания пролетариата. Среди них — отсутствие феодализма в историческом прошлом страны, обеспечившее «стартовую площадку» для развития и самого капитализма и буржуазной демократии; иммиграционные «волны», мешавшие складыванию промышленного пролетариата; отсутствие в новейшей американской истории тех катастрофических политических потрясений и революционных ситуаций, которые вызывались в Европе мировыми войнами; ут-

⁴⁶ Kolko G. *Main Currents in American History*. N. Y., 1976, p. 184; Dubofsky M., Theoharis A., Smith M. D. *The United States in the Twentieth Century*. Stanford, 1978; Weinstein J. *Ambiguous Legacy*, p. 29—31, 70, 102; Cantor M. *Op. cit.*

⁴⁷ Гречузин А. А. *Борьба Коммунистической партии США за единство своих рядов (1927—1972)*. М., 1975.

⁴⁸ Классовая гегемония, по Грамши, форма классового господства, осуществляемая на основе принципа «ведущие — ведомые», когда ведомые добровольно принимают ценностные установки правящих кругов, воспринимают их как свою собственную культуру.

⁴⁹ Dubofsky M. *Industrialism and American Worker*, p. 67—71; Cantor M. *Op. cit.*, p. 6—10, 120—127.

верждение гегемонии американской буржуазии в мировой империалистической политике и неоколониалистская политика.

Американская радикальная историография традиционно выделяет в качестве одного из важных факторов, препятствовавших формированию классового самосознания американского пролетариата в XX в., господство тред-юнионистской линии в рабочем движении США.

Вместе с тем в американской радикальной историографии налицо определенные различия в оценке исторической роли американского тред-юнионизма в XX в. Так, Г. Колко, М. Кантор, С. Аронович рассматривали тред-юнионизм как основополагающий либерально-корпоративный институт, который по самой своей природе противостоит выработке классового самосознания пролетариата и предназначен исключительно для консервации буржуазных идеологических стереотипов в сознании рабочих. Крайним проявлением этой точки зрения может служить монография М. Кантора, в которой негативная оценка исторической роли тред-юнионизма распространяется даже на «Индустриальных рабочих мира»⁵⁰. Но большинство радикальных историков в своих исследованиях все же обнаруживают возможность использования новых профсоюзных организаций в целях внесения в рабочее движение пролетарского классового сознания и рассматривают в качестве либерально-корпоративного института только профбюрократию — касту американского рабочего класса, оформившуюся в ходе исторической эволюции.

Тема выявления и критики буржуазного характера политики профбюрократии консервативного американского профсоюзного объединения АФТ (с 1955 г. АФТ—КПП) — на одном из первых мест радикальной историографии. Кроме уже охарактеризованных, следует выделить работы Р. Рейдоша (монография «Американские рабочие и внешняя политика США: политика холодной войны американских профсоюзов от Гомперса до Ловстона» и статьи), монографию У. Ван Тайна «Формирование рабочей бюрократии: профсоюзное руководство в США, 1870—1920»; докторскую диссертацию ученика У. Э. Вильямса С. Шейнберга «Развитие корпоративной рабочей политики, 1900—1940», биографии С. Гомперса и Дж. Льюиса, принадлежащие перу Б. Мандела, У. Ван Тайна и М. Дубовского⁵¹.

Ключевым периодом оформления профбюрократии и превращения ее в либерально-корпоративный институт радикальные историки единодушно считают годы первой мировой войны. Именно в этот период оформляется консервативный альянс го-

⁵⁰ Cantor M. Op. cit., p. 39.

⁵¹ Radosh R. American Labor and the United States Foreign Policy: The Cold War in the Unions from Gompers to Lovestone. N. Y., 1969; Van Tine W. R. The Making of the Labor Bureaucrat: Union Leadership in the United States, 1870—1920. Boston (Mass.), 1973; Scheinberg S. J. The Development of Corporate Labor Policy, 1900—1940: Ph. D. Diss., 1966; Mandel B. Samuel Gompers: A Biography. Yellow Springs, 1963; Dubofsky M., Van Tine W. John L. Lewis: A Biography. Toronto, 1977.

сударства, предпринимателей и профбюрократии. Суть подобного альянса состояла в следующем: АФТ в обмен на предоставление права на организацию обещала воздерживаться от стачек, а если забастовки возникнут стихийно, оказывать им сопротивление; профбюрократы были введены В. Вильсоном в правительственные комиссии и, сотрудничая с предпринимателями, слились вместе с ними в либерально-корпоративную касту; коллективный договор из средства борьбы за интересы рабочих превратился в орудие достижения «классового мира» и нейтрализации радикальной профсоюзной тактики.

Среди ранних работ радикальных историков, посвященных критике реакционной политической линии АФТ, известность приобрела монография Р. Рейдоша⁵². Основанная на неиспользованных ранее источниках, монография раскрывала тесное сотрудничество руководства АФТ и правительства США в реализации реакционных внешнеполитических целей американского капитала. Рейдош доказывал, что руководству АФТ принадлежит самая активная, инициативная роль в развязывании антисоветской интервенции США после Великого Октября, в борьбе с коммунистическими и радикальными профсоюзами в Италии, Франции, Греции после окончания второй мировой войны, в подготовке «холодной войны», интервенции в Корею, в насаждении реакционных (по образцу самой АФТ) тред-юнионов в Латинской Америке. Исследование Рейдоша, послужившее в свое время образцом изучения истории американского тред-юнионизма для всей «новой левой» историографии, впоследствии вызвало, однако, нареkania со стороны ряда радикальных авторов.

Точка зрения радикальных критиков Рейдоша была изложена еще в 1972 г. в статье Дж. Грина. Он упрекал Рейдоша в том, что тот приписал «корпоративную идеологию американских рабочих лидеров» всему профсоюзному движению, не смог отделить мышления Гомперса и Ловстона от настроений «рядовых». Поглощенный изучением позиции «группы лидеров наподобие Сиднея Хилмена, активно пытающихся интегрировать профсоюзы в корпоративный капиталистический порядок», Рейдош остался в плену методологии рабочего движения «сверху вниз»⁵³.

Статья Дж. Грина, как и выступления некоторых других радикальных историков 70-х годов, выдвинула новую исследовательскую задачу в изучении американского профсоюзного движения эпохи государственно-монополистического капитализма: не только и не столько разоблачение буржуазного мышления профбюрократии, сколько поиск и выявление революционного и радикального потенциала рядовой массы профсоюзов и рабочего движения. Своего рода исследовательским «полигоном» для решения этой задачи стал период 30-х годов, что не было случай-

⁵² См., например: *Brody D. Radical Labor History and Rank and File Militancy.* — *Labor History*, 1975, Winter, vol. 16, p. 117.

⁵³ *Green J. Working Class Militancy in the Depression*, p. 20.

ным, ибо, как отмечал С. Линд, рабочее движение 30-х годов включает в себе «модель радикального массового действия, с исторической точки зрения более близкую к нам»⁵⁴.

Среди радикальных историков с самого начала наметилось несколько подходов к изучению исторического опыта рабочего движения 30-х годов. Один подход нашел выражение в работе А. Прейса «Гигантский шаг рабочего движения: двадцать лет Конгресса производственных профсоюзов»⁵⁵, увидевшей свет еще в 1964 г. Концепция Прейса выдержана в анархо-синдикалистском духе: стихийное рабочее движение США в 30—40-е годы сделало «огромный шаг» в развитии классового сознания, но дело рабочих рук «загублено» коммунистами, которые, стремясь утвердиться в руководстве Конгресса производственных профсоюзов, пренебрегли насущными интересами пролетариата и радикальными целями рабочего движения. Книга Прейса откровенно упрощала и искажала историческую действительность. Это должны были признать и некоторые радикальные историки. Аронович считал, что Прейс приписал Конгрессу производственных профсоюзов тенденции и устремления, которых у него не было. Однако сам он, подобно Р. Рейдошу и некоторым другим «новым левым» историкам, исходил из левацкой посылки другого сорта: существующие профсоюзы могут развиваться только на буржуазной платформе, а участвовать в их деятельности — значит заведомо укреплять «корпоративный либерализм»⁵⁶.

Пример иной разновидности леворадикального подхода к историческому опыту американского рабочего движения — монография Дж. Брешера «Стачка!». Автор видит свою цель в обобщении типичных черт стачечного движения, в исследовании его влияния на формирование классового самосознания пролетариата, «раскрепощения» его революционного потенциала.

Исследование радикального историка исполнено острой полемикой с буржуазной историографией. Он бичует теорию «бесконфликтной» американской истории, всесторонне показывает пороки висконсинской школы. Ошибки «висконсинцев», доказывал Брешер, не смогли преодолеть и те «новые левые» историки, которые выдвинули тезис об «интеграции» пролетариата в капиталистическую систему; этот тезис, по его мнению, вопреки кажущейся радикальности, по сути ничем не отличается от апологетической теории «бесконфликтной» американской истории.

Критикуя многие ошибки «новых левых», Брешер сам, однако, остается в плену мелкобуржуазного подхода к развитию рабочего движения. Это выразилось прежде всего в преклонении радикального историка перед стихийностью в рабочем движении.

⁵⁴ Lynd S. Prospects for the New Left, p. 16.

⁵⁵ Preis A. Labor's Giant Steps: Twenty Years of the Congress of Industrial Organizations. N. Y., 1964.

⁵⁶ Aronowitz S. Op. cit., p. 256; Radosh R. Corporate Ideology of American Labor. — In: For a New America / Ed. by J. Weinstein, D. W. Eakins. N. Y., 1970, p. 125—151.

понимании и непризнании организующей роли политической партии пролетариата в классовой борьбе трудящихся.

Исследование Брешера — это, используя терминологию самих представителей радикальной историографии, история «рядовых», огромной массы организованных и неорганизованных рабочих, низовых профсоюзных ячеек и комитетов, не охваченных системой «корпоративного либерализма», выступающих стихийно или той или иной степенью осознанно с оппозицией буржуазному миропорядку. Брешер показал, что эта позиция обнаруживает себя наиболее полно в периоды массовых стачек, организуемых «рядовыми» в обход воли профбюрократии. Материалы, приводимые историком, свидетельствуют о возникновении у рабочих в ходе стачек ростков классового сознания. Во время отдельных стачек рабочие поднимались до осознания возможности и способности управлять производством и обществом.

Так, участники всеобщей стачки в Сиэтле в 1919 г. подошли к осознанию той идеи, что их усилия по управлению производством приближают время, когда рабочие возьмут на себя руководство обществом. Их орган «Сиэтл юнион рекорд» определял смысл происходящих событий: «Если революция означает Великое Изменение облика мира, включающее пересмотр методов управления промышленностью, затрагивающее сами основы нашей жизни, утверждающее радость и свободу на место поработченности и страха, тогда мы принадлежим к последователям этого Великого Изменения и полагаем, что наша Всеобщая Стачка служит его целям... Мы видим только один способ разрешения существующих проблем: замену двух классов, борющихся друг с другом за продукты труда, одним-единственным классом, распределяющим по справедливости богатства мира»⁵⁷.

Вместе с тем сам Брешер показал, что сознание участников массовых стачек оставалось весьма противоречивым. Как обнаруживают приводимые им материалы, участники стачек, отдавая себе отчет в том, что «большой бизнес» контролирует все и вся в Америке, включая правительство, в то же время полагали, что государство представляет и простых людей и что они-де вправе ожидать от него поддержки. Наличие подобных консервативных черт в сознании рабочих объясняет, почему участники Гомстедской стачки 1892 г., обвиненные в государственной измене и ведении войны против штатных властей Пенсильвании, в том же году голосовали на президентских выборах за Г. Кливленда, жестоко расправившегося спустя два года с Пулмановской стачкой. Этими же консервативными чертами в сознании рабочих можно объяснить тот факт, что рабочие заводов «Дженерал моторс» во время забастовки 1936 г. намеревались осуществить захват государственных зданий — акт сам по себе бунтарский — во имя американской конституции.

В конечном итоге Брешер приходил к парадоксальному, про-

⁵⁷ Brecher J. Op. cit., p. 248.

творившему исходному теоретическому положению его книги выводу о том, что пролетариат США в ходе большинства даже самых известных массовых стачек не обнаруживал оформленного в сколь-нибудь полной мере классового самосознания и не вышел за рамки типично тред-юнионистского определения целей забастовок: «Рабочие продолжали следовать принципам тред-юнионизма даже тогда, когда в своих реальных действиях противопоставляли себя собственным тред-юнионам»⁵⁸.

Вопреки воле автора, находящегося в плену синдикалистских представлений о значении стачечной борьбы пролетариата, приведенные им факты доказывают справедливость марксистско-ленинского учения о ведущей роли политической партии пролетариата в процессе формирования классового сознания рабочих. Главный порок монографии Брешера заключается как раз в том, что политические партии рабочего класса, как социалисты, так и коммунисты, искусственно, волей самого автора, не включены в освещение этого процесса. Поэтому концепция Брешера предстает абстрактной мелкобуржуазной моделью истории классовой борьбы американских рабочих.

Необходимо признать, что самым уязвимым местом в работах радикальных историков остается освещение истории Коммунистической партии США. И дело здесь не в том, что они указывают на ошибки коммунистов. Известно, что их признают и марксистские исследователи. Так, Г. Грин в исследовании «Что происходит в американском рабочем движении»⁵⁹ (в русском переводе «Что происходит в американских профсоюзах»), завоевавшем широкое признание научной общественности, принципиально критикует ошибки коммунистов, допущенные ими в 30-е годы в процессе борьбы за демократическое преобразование, развитие отраслевых профсоюзов: «Однако у коммунистов и других представителей левых сил появилась тенденция подчеркивать лишь общие, объединяющие задачи и меньше внимания обращать на разногласия. Стремясь к единству, левые силы нередко отказывались от своих позиций и молча уступали»⁶⁰. Грин вскрывает и другие упущения коммунистов, подчеркивая вместе с тем стратегическое и тактическое значение линии Компартии на единство действий с руководством Конгресса производственных профсоюзов, широкими демократическими силами американского общества.

Принципиальная ошибка радикальных историков заключается в том, что они еще не готовы понять и признать ведущей исторической роли коммунистов как марксистско-ленинской партии в классовой борьбе трудящихся масс США. Отсюда и гиперкритический, а в ряде случаев негативный, ненаучный подход к анализу деятельности Коммунистической партии США, что, конечно, существенно снижает уровень магистральной линии их исследований, направленной на выявление собственного места и собственной

⁵⁸ Ibid., p. 259.

⁵⁹ Green G. What's Happening to Labor. N. Y., 1976.

⁶⁰ Грин Г. Что происходит в американских профсоюзах. М., 1978, с. 84.

роли американского пролетариата в историческом развитии США, широкое раскрытие противоречий и непримиримости интересов трудящихся и буржуазии.

Отмечая и анализируя просчеты и пороки радикальных историков, вместе с тем необходимо (без чего невозможно верное определение их места в борьбе современных историографических течений в США) не упускать из виду, что их усилия направлены в первую очередь на развенчание установок апологетических школ истории рабочего движения США и главной среди них — теории «исключительности» исторического опыта американского рабочего класса.

Важно также иметь в виду серьезные различия внутри самой радикальной историографии, отличать авторов, стоящих на левых позициях, от исследователей, которые под воздействием самой логики, объективных закономерностей классовой борьбы способны приближаться к научному постижению исторического опыта американского пролетариата. С этими исследователями у историков-марксистов может состояться творческий диалог, расширяющий возможности всестороннего и глубокого изучения исторического пути рабочего движения США.